

КНИГА ДЛЯ ДРУЗЕЙ И РОДСТВЕННИКОВ

Я начала этот дневник через несколько дней после того, как мне поставили диагноз “рак”. Сначала это были записи чисто медицинского характера, а потом я поняла, что мне хочется рассказать еще и о том, что чувствую я, что чувствуют мои подруги по лечению, как ведут себя врачи и как нашу болезнь воспринимают окружающие.

Сейчас, когда я пишу это предисловие, за спиной остались радиационное облучение, шесть сеансов химиотерапии, хирургическая операция, небольшой опыт в преодолении бытовых трудностей и пессимизма и тот момент, когда пришло ясное понимание того, что никто не может знать, чем закончится эта книга. В отличие от большинства авторов, я не в силах заранее наметить содержание последующих глав и предопределить судьбу героев. Онкология — коварная вещь. И мне остается лишь фиксировать череду событий и делать свои скромные ставки в игре, на кону в которой моя жизнь.

Для кого эта книга? Для тех, кто боится заболеть, для тех, кто уже услышал грозные слова, но откладывает начало лечения, для тех, кто только делает первые шаги в преодолении болезни, и для тех, кто рядом. Потому что иногда мне кажется, что порядочным людям зачастую даже труднее переносить чужую боль. Ведь когда ты упал сам, ты примерно понимаешь, как напрячь мышцы тела, чтобы суметь подняться, как зализать раны, как балансировать в дальнейшем, чтобы тяжелое падение не повторилось. Когда же падает твой близкий, ты не всегда в силах помочь. И смотришь, как угасает жизнь, и плачешь от бессилия, и стараешься говорить трагическим шепотом. Но по своему собственному опыту я теперь точно знаю, что больным чаще хочется, чтобы с ними шутили. А поплакать? Поплакать мы и сами сумеем.

Поговорим?

...ВЕРОНИКА
СЕВОСТЬЯНОВА,
июнь 2014.

8 апреля

День первый. Итак, мне немного за тридцать. У меня есть рак груди, интересная работа и коммуналка в центре Питера. И доктор велел завести дневник.

Девушку зовут Света. Она сама со мной стала знакомиться, когда мы сегодня сидели в Железнодорожной больнице у дверей кабинета главного. Смотрела так на меня, смотрела, потом осмотр подытожила: “А мы с вами вместе в онкоцентр приезжали, в один день. Помните, тоже вместе около кабинета хирурга сидели?”

Я, конечно, не помню. Нет, я помню тот день, когда я ездила к хирургу, и что, действительно, была там молодая женщина, которая пришла раньше меня и соответственно раньше была и принята. Но так как зрительная память у меня практически нулевая, внешность той женщины запомнить я точно не могла. Факты мне давайте, факты, не надо подсовывать зрительные образы! А факты говорили, что коли она описывает тот день в подробностях, то мы и правда были там вместе. Вот с этим я логично и согласилась. А тут как раз и наш доктор из кабинета главного вышел. И вручил нам по пузырьку. Маленькие такие пузырьочки, в таких раньше в аптеках пенициллин продавали, и тогда у них еще были приятные на ощупь резиновые серые крышечки. Правда, горлышко именно этих двух пузырьков было заткнуто просто куском ваты. “Сейчас сделаем биопсию, и потом вам прямая

дорога сразу в морг” — я на этих словах доктора дернулась куда-то в сторону, Света, кажется, тоже. Хотя ничего точно про Свету утверждать не буду, потому что мозг в тот момент залихорадило. Впрочем, все, что я знала и слышала о циничном юморе врачей, всплыло в голове уже через полмгновения, и я аккуратно уточнила: “Вы шутите?” Кажется, Света спросила о том же.

“Какие шутки, сразу, как выйдете из корпуса, по территории больницы все время налево и по диагонали до самого конца, до забора. Там увидите здание с надписью «Морг», и на втором его этаже — лаборатория. Туда свои анализы и отнесете”. Ага, кажется, это он все-таки так шутил и смеялся. Странный доктор, да и молодой слишком. Правда, Света сказала, что ее подруга ей сказала, что он, по слухам в медицинских кругах, признанное дарование и восходящее светило. Ну, будем надеяться. А пока мы сделали биопсию.

Больно ли это? Больно. Мне сделали пять проколов. Сначала пробили кожу, чтобы влезть внутрь груди, два раза мимо опухоли промахнулись, потом наконец попали, ну и еще один прокол контрольный, для подстраховки. Игла толщиной поболее стержня шариковой ручки будет, вот сами и представьте, каковы ощущения от процедуры.

В пузырек с жидкостью мне сложили четыре мои козявки. Две из них болтались на поверхности, это то, что “мимо”, просто жировая ткань, поэтому она и не тонет, легкая. Две другие ушли на дно, именно их — кусочки моей опухоли — и будут исследовать на гистологию. Сомнений в том, что у меня рак, ни у кого нет, но необходимо понять и то, какой он формы. Так что пошла я вперед, куда доктор указал, напрямик в морг, значит. А уже через два дня я буду завтракать в Ницце. И в конце концов, не зря же придумали фразу “Увидеть Париж и умереть”. Я, может, умирать пока и не готова, но зато хоть Францию посмотрю и постараюсь на время поездки напрочь забыть о болячке.

В ообщее, конечно, все это началось не сегодня. Все это началось намного раньше, когда делая очередное контрольное УЗИ щитовидки, я на всякий случай заплатила в клинике и за обследование молочной железы. Узистка обнаружила опухоль, но, поразглядывая ее и так и сяк, написала в заключении: “Фиброаденома”. И я с этой записью спокойно пошла домой. На дворе стоял ноябрь прошлого года.

Потом было много медицинской литературы и тщательное изучение собственного тела. А так как за год до этого мне уже ставили диагноз “рак щитовидной железы”, то по крайней мере в основных онкологических терминах я поднаторела. И в конце января, осознав, что узистка ошиблась, я отправилась на поиски хорошего онколога. Впрочем, не поймите неправильно. Слово “отправилась” не означает, что я вышла на улицу с плакатами “Ищу врача умного и недорого”, — я просто стала методично и настойчиво обзванивать и опрашивать знакомых и не очень знакомых людей, в нашей стране и в Израиле. Врач долго не находился. Так я дотянула почти до начала апреля. Поэтому, если вы скажете: “Так ты же, дорогая, сама сколько времени зазря потеряла”, — то будете абсолютно правы.

Время было упущено, что при онкозаболеваниях практически недопустимо. Но лично в моем случае есть небольшой нюанс: я очень плохо отношусь практически ко всем врачам. Я людям в белых халатах как профессиональному классу совершенно не доверяю. Эти самые врачи за все годы моей жизни умудрились столько ошибок в моем теле понаделать, что временами я вполне серьезно себе думала: “Не найду нужного мне доктора — не начну и лечиться. Какая разница, умирать от рака или от профессиональной ошибки очередного целителя...” Но, кажется, врач нашелся. Тот хирург, у которого я была 8 апреля в онкоцентре, мне понравился. Да и Яна, которая меня привозила в клинику на своей машине, сказала, что как мужчина он очень интересный. Впрочем, если честно, то Яна сказала, что врач, который выходил из соседнего кабинета, тоже весьма симпатичный. И она же потом рассказала, что, пока хирург за закрытыми дверями меня осматривал, с какого-то заседания вышла целая группа врачей и, по словам Яны, некрасивых среди них не было.

И так, это уже четвертая запись в моем дневнике — тетради наблюдения за лечением. Позавчера нам со Светой сделали биопсию. Теперь эти козявки, откусанные от опухоли, будут недели полторы или две проверять в гистологической лаборатории, а мы пока начнем сдавать предварительные анализы. Из городского онкологического центра нас отправили в Железнодорожную больницу, потому что химиотерапию нам будут проводить именно здесь, в отделении исследования, по протоколу. Если говорить простым языком, то нас включили в число подопытных. Будут на нас опробовать что-то такое, что еще не выпущено в широкое потребление и продажу. Хорошо это или плохо? Я не знаю. Возможно, что нам достанется новейший препарат, благодаря которому человечество уже через несколько лет окончательно победит рак. А может быть и обратный вариант, когда эффект от лечения будет носить отрицательный характер.

В любом случае нас заставили подписать огромную кипу бумаг, основной смысл которых: “Я ознакомлена, я понимаю, я сама несу ответственность”. Света подписала все, не читая. Я с моим отношением к медработникам отправилась в холл под пальму, чтобы тщательно изучить бюрократическое крючкотворство. В итоге тоже, конечно, подписала, но так душа моя была хотя бы более спокойна.

Результаты гистологии получены: протоковый рак, и дальше много непонятных мне слов. В общем, все, как и ожидалось. Кажется, ставят вторую стадию, но я до конца пока не разобралась в этой классификации, надо будет подробно расспросить доктора и постараться самой это понять и других не запутать. В ближайшее время начнут химиотерапию. Вообще-то сначала, на первом осмотре, хирург в онкоцентре предложил сразу делать операцию, но затем сообщил, что в этом врачебном отделении проводят исследования новых препаратов, и я согласилась участвовать в этой программе, отложив хирургическое вмешательство.

Ну, да, да, все мы понимаем, что новые лекарства не появляются из воздуха. Их изобретают, изучают действие на мышках и свинках, потом обязательно проводят эксперименты и на людях. Знаю, что участникам подобных исследований часто платят неплохие деньги. Но это, конечно, не в нашем случае. Оплачивают риски, когда в исследованиях принимают участие здоровые люди. Мы же получаем обоюдную выгоду: компания-производитель видит результат, а нас лечат бесплатно новейшими лекарствами.

Конечно, бывает, когда даже на последнем, предпродажном этапе исследований могут

возникнуть осложнения со здоровьем испытуемых, но я об этом решила и не думать. В конце концов, рак более серьезен, чем любое исследование. На участие я согласилась моментально. И вот сегодня сдаю своей первой медсестре в этом отделении свою первую кровь.

“Дайте ту руку, что рядом со здоровой грудью”, — получив ясное распоряжение, я протянула свою левую руку ладонью вверх, поработала кулаком, после того как мне ее перетянули жгутом выше локтя, и отвернулась лицом к стене. Никогда не могла спокойно смотреть, как мне дырявят вены. А уже потом, в коридоре, поинтересовалась у других женщин, почему кровь берут из определенной руки. Разве жидкость в нас не одинаковая течет, неважно же, рука эта расположена на стороне со здоровой или с больной грудью?

А все дело, в общем-то, в предстоящей операции. Вместе с опухолью, что растет в груди, в обязательном порядке удаляют и один или несколько лимфатических узлов из подмышки. И удаление этих лимфоузлов сильно нарушает кровоток в руке. В тяжелых случаях рука может увеличиться до невероятных размеров и так и остаться огромной и неподвижной. В обычной ситуации несложные упражнения со временем вернут руку в нормальное состояние. Но в любом случае вены, поврежденные

в результате уколов и капельниц, только усугубят ситуацию. А уколов мне предстоит много. Так что послушаюсь медсестру и общественность и под иглу буду подставлять только руку рядом со здоровой грудью. Жизнь и так сложна, зачем создавать дополнительные трудности искусственно?

Конечно, я нервничаю. Прошло уже почти полтора месяца, как мне поставили диагноз, а дело пока не сдвинулось. То я в Ниццу, то в Самару, то всей страной майские праздники отмечаем. Сегодня подписала бумаги, что согласна на участие в исследованиях, получила на руки и свой экземпляр договора и уже на правах подопытного попыталась расспросить доктора о сроках первой химии. В ответ он чертил на листочке какие-то круги и рассказывал о цикле развития рака. И, по его предположениям, моей опухоли уже не менее двух лет, а значит, месяц или два отсрочки лечения ничего не меняют. Не знаю. В сомнениях.

В коридоре в очереди на сдачу крови сидела рядом с удивительно красивой девушкой. Вижу ее здесь уже второй раз и каждую встречу, разглядывая ее практически идеальную внешность, поражаюсь злобности болезни, которая посмела тронуть и такое совершенство. Спросила, как ее зовут, но пока разговаривали, забыла, минут через десять спросила опять, но, сознаюсь честно, снова забыла. Наверное, могла бы придумать ей имя для записи в дневнике, ну так, знаете, чтобы мои мемуары были непогрешимо точны, но, пожалуй, не буду. Мысленно я пыталась примерить ей и Елену, и Юлию, и Валентину, и Светлану,

но почему-то все эти имена не подходили ей даже гипотетически.

А Светлана, с которой мы вместе сдавали биопсию, сегодня подписала те же бумаги, что и я. Кажется, мы так и будем идти параллельно. Она даже предположила, что мы можем получать одинаковое лечение. Странно, разве могут разных людей лечить одинаково? Мне кажется, Света что-то путает.

Красивую девушку я подергала за кончики длинных волос, беспардонно пытаюсь понять, парик на ней или нет. Парик, конечно, но надо сказать, что настолько он естественно выглядит, что я даже смирилась с тем, что волосы вылезут и у меня. Впрочем, цена у парика тоже не маленькая, семнадцать тысяч рублей. Но она меня сразу успокоила: стоимость зависит в том числе и от длины волос, и замена натуральных обойдется мне, скорее всего, тысяч в девять–десять. Приемлемо.

Да, сегодня я уже решила, что парик буду покупать как у нее, из искусственных водорослей, и, по ее же совету, с укладкой примерно такой же, как моя. Пожалуй, уже вечером поищу в Интернете магазин париков в Петербурге. Немного и самой смешно, что у меня не выпало еще ни одного волоска, а я уже готовлюсь к покупке. Мне кажется, что это меня внутренний страх подталкивает. Ну, примерно, как “знал бы, где упасть,

заранее соломки подстелил”. Только моя соломка будет из японских водорослей и в виде современной стрижки.

Красивая девушка потом убежала сдавать экзамен. Удивительно, но сегодня, глядя на нее и ее веселое поведение, я вдруг стала спокойнее. Она своей легкостью сумела внушить мне ту уверенность, что пока не внушил ни один врач. Какая-то она очень светлая. Спасибо ей.

Сегодня мне сделали первую химию. Вообще-то, вчера готовила мученическую фразу для дневника. Собиралась начать запись, например, со слов “Пренеприятнейшая штука эта ваша химиотерапия” или “Так и знала, что будет лысо, голодно и тошнотно”, но в итоге пока жизнь гораздо симпатичнее, чем я могла ожидать.

Значит, если по порядку, то в семь утра я была в бассейне. Плавать я перестану только после смерти, как уже сама понимаю, без воды не представляю своей жизни ни в одном состоянии. В 9:30 доехала до больницы. Снова взяли на пробу мою кровь и мочу и сразу поставили катетер в вену. Вообще как-то за последний месяц крови у меня все время очень много берут. Каждый раз на три пробирки для трех анализов, что уже настораживает. Потом вкололи шприцом что-то в вену, чтобы кровь не густела. Правда, перед этим я завопила, что ни о каком шприце мы не договаривались и меня об этом не предупреждали. Но медсестра меня убедила, что это полезно, и дальше спорить я не стала. Очень уж улыбчивая сестричка.

Потом нам всем поставили капельницы. Пошутили, посмеялись. Я сразу спросила у сестры, что должна ощущать и чувствовать. Получила ответ, что на первой химии никто ничего

не ощущает. Все начинается позже. Вяла с собой плеер, слушала старого Макаревича и старое “Воскресенье”. Ну и разговаривала параллельно с окружающим миром. Не поболтать я не могу. В час дня уже была на работе.

Предупрежденная всезнающим Интернетом, что скоро начнется рвота и тошнота, от испуга съела полкило мороженого, как в последний раз. Хотела наесться напоследок, пока организм еще не отторгает пищу. Не отторг. Выпила чая с молоком. Вспомнила, что в пятнадцать нуль-нуль должна выпить очередную таблетку от тошноты. До этого выпила уже тридцать две одного вида, но этот новый препарат я еще не испробовала. Почитала инструкцию, поняла, что пьют его за полчаса до еды, и расстроилась, что уже наелась мороженого. Пришлось выждать время, съесть эту таблетку и через тридцать минут доесть последние пол-литра мороженого. В общем, время шло, а тошнота не наступала. Единственное, во рту все время явственно ощущается вкус железа. Но это не мешает жить. Это лишь мелочь и даже не может называться недостатком лечения.

По пути с работы домой немного ощущала слабость. Состояние то ли полудремы, то ли полушагания по улице. Но дома съела печеночки, картошечки, выпила кефирчик,

выпила полтора литра чая, съела полкило томатов черри, закусила все это зеленым яблоком и еще семнадцатью таблетками. Тошнота по-прежнему не наступала. Поспала. После сна перекусила порцией филе минтая.

Вообще, перед началом лечения я честно, и как всегда, искала плюсы. Ну просто я их всегда и во всем ищу. И, читая отзывы в Интернете, радовалась, что “зато” вес не много сброшу. Миф развеян. Оказалось, что есть надо много, в полтора-два раза больше обычного, то есть три или даже три с половиной тысячи калорий. Оказывается, вес не должен снижаться, это опасно; нужно, чтобы организму хватало на все — и на жизнь, и на выздоровление. Есть необходимо, даже если все противно на вкус и нет аппетита. Так что мне уже становится стыдно, что я пока не борюсь с трудностями и тошнотой и ем, я бы даже сказала, нажираюсь с полным удовольствием. Не знаю, чем это объясняется, то ли ответственностью лекарств, то ли моим организмом. Пока не анализировала. Пока ведь даже названия лекарств запомнить не могу.

С утра опять начала пить мед, чтобы в организме работали и микроэлементы. Читала все в том же Интернете, что мед, как и любой сахар, не очень полезен при раке, но решила, что буду полагаться на интуицию. Иногда все же она мне помогает. Так, ну что еще? Мобильный телефон врача, естественно, всегда под рукой на случай “если что”, но пока надеюсь, что в качестве “скорой помощи” он мне не понадобится. Хотелось бы по крайней мере.

Завтра к часу дня на укол для поднятия уровня лейкоцитов. Вроде бы делают этот укол в живот — ну что ж, завтра проверю. До укола еще собираюсь забежать в бассейн и на работу. Вены пока есть. Спросила про мазь для их поддержания и восстановления, но услышала от сестры: “Пока начинать не надо. И так ведь вам много отравы в организм вливают”. Спорить не стала, ведь, как уже понятно, наша сестра мне нравится. А если нравится, так зачем спорить. Ну вроде все. Завтрашний день покажет, как будут развиваться события дальше.

Ах да! Было еще одно ощущение. Когда сидела с капельницей, услышала о стоимости одного сеанса химиотерапии и поняла, что меня прямо распирает от гордости, что буквально за полтора часа влили в меня жидкости на сто двадцать тысяч рублей. Не за счет моего

кошелька, конечно, а за счет спонсоров клинического исследования. Но все равно, в тот момент я ощущала себя внезапно внутренне обогащенной.

Выяснила, для чего нам со Светой делают на следующий день после химии укол в живот. Да-да, действительно, прямо в живот. И колет не медсестра, а собственноручно доктор. Это меня, кстати, удивило не меньше, чем сам факт укола. Мне почему-то казалось, что, как истинный теоретик, наш доктор ничего сложнее шариковой ручки в руках держать не может. Ошиблась, не такой уж он и беспомощный, каким кажется на первый взгляд.

Итак, укол в живот. “Вы же в селезенку колете?” — спросила я доктора строго, потому что после двух УЗИ в этой больнице я четко представляла, что слева чуть ниже талии расположен именно этот орган. Ну и сразу поняла, что опять я врача удивила. Он вообще часто огорошенно на меня смотрит, когда я задаю ему какой-нибудь научный, на мой взгляд, вопрос, и, потом отвечая на него, разговаривает со мной как с полной идиоткой. Но если честно, мне абсолютно неважно, кто и как на меня смотрит. Главное, чтобы дело делалось и ответ отвечался. Пусть даже этот укол оказался и не в селезенку.

Итак, то, что нам колют в живот, и есть тот самый испытуемый препарат, ради которого мы согласились на участие в исследовании, и призван он предотвратить фебрильную

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)